

НОВЫЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 2 (65) 2023

Москва 2023

Калмыцкий научный центр РАН,
Московский педагогический государственный университет,
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
С.С. Ипполитов

НОВЫЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 2 (65) ' 2023

Москва
2023

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Moscow Pedagogical State University,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Sergej Ippolitov

THE NEW PHILOLOGICAL BULLETIN

№ 2 (65) ' 2023

Moscow
2023

Я.Д. Чечнёв (Москва)

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ
М.М. ШКАПСКОЙ: РАЗВИТИЕ ТЕМЫ «БЕСОВСТВА»
В КОНТЕКСТЕ ИМАЖИНИСТСКОЙ ПОЭЗИИ¹**

Аннотация

Статья посвящена теме «бесовства» в поэтическом творчестве М.М. Шкапской периода Гражданской войны. Автор сравнивает ее поэму «Явь» с подборкой стихотворений А.Б. Мариенгофа в имажинистском сборнике «Явь» 1919 г. Оба поэта обращаются к мифологеме богоявления. В случае с Мариенгофом речь идет о ложном пришествии месии. В подборке из 14 стихотворений поэт изображает картину бесовского разгула во время Гражданской войны. Злые духи, укрывшиеся за коллективным лирическим субъектом, заявляют о создании мира без христианского Бога. В этой системе координат новый Саваоф и другие «святые» (например, Варавва) рождаются в Москве как столице большевистского государства. Финал космогонии поэта остается открытым. В произведении Шкапской, написанном в 1919 г., но вышедшем отдельно в 1923 г., сюжет о казни в период Гражданской войны превращается в мистериальное действо о нераспознанном богоявлении. Если в поэзии Мариенгофа явь состоит в том, что бесовская стихия открыто стремится создать новый миропорядок с центром в Москве, то у Шкапской эти «бесы» в лице брянского эшелона, проходящего через провинциальное местечко (автор не уточняет, где происходит действие, в городе, селе или деревне), возникают на короткое время, а потом исчезают. Но они становятся причиной происходящей с этой местностью трагедией – исходом небесных покровителей и потерей церковью святости. Обыватели, репликам которых отводятся значительные части поэмы, оказываются в положении богооставленных, без покровительства высших сил.

Ключевые слова

Шкапская; Гражданская война; «Явь»; имажинисты; Мариенгоф.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19–78–10100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100/> в ИМЛИ РАН.

Ya.D. Chechnev (Moscow)

**THE CIVIL WAR IN THE POETIC WORK OF M.M. SHKAPSKAYA:
THE EVOLUTION OF THE THEME OF “DEVILRY”
IN THE CONTEXT OF IMAGIST POETRY²**

Abstract

The article is devoted to the topic of “devilry” in the poetic work of M.M. Shkapskaya during the Civil War. The author compares her poem “Yav” with a selection of poems by A.B. Marienhof in the imagist collection “Yav” of 1919. Both poets turn to the mythologeme of the epiphany. In the case of Marienhof, we are talking about the false coming of the Messiah. In a selection of 14 poems, the poet depicts a picture of demonic revelry during the Civil War. Evil spirits, hiding behind a collective lyrical subject, declare the creation of a world without a Christian God. In this coordinate system, the new Sabaoth and other «saints» (for example, Barabbas) are born in Moscow as the capital of the Bolshevik state. The finale of the poet’s cosmogony remains open. In Shkapskaya’s work, written in 1919, but published separately in 1923, the plot of the execution during the Civil War turns into a mystery action about an unrecognized epiphany. If the reality in Marienhof’s poetry is that the demonic element openly seeks to create a new world order centered in Moscow, then Shkapskaya has these “demons” in the person of the Bryansk echelon passing through a provincial town (the author does not specify where the action takes place, in a city, village or village), arise for a short time, and then they disappear. But they become the cause of the tragedy happening to this area – the exodus of heavenly patrons and the loss of holiness by the church. The townsfolk, whose replicas are given significant parts of the poem, find themselves in the position of God-forsaken, without the patronage of higher powers.

Key words

Shkapskaya; Civil War; Reality; imagists; Marienhof.

Интерес к творчеству Марии Михайловны Шкапской, оригинальной поэтессы, подруги И. Эренбурга и приятельницы С. Есенина, за последнее время значительно вырос (обзор литературы см.: [Чечнёв 2022, 140–141]). В рамках данной статьи мы остановимся на одном аспекте темы Гражданской войны в ее творчестве, а именно революционного «бесовства», о котором недавно писала Д.М. Магомедова [Магомедова 2017].

---

² The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation 19–78–10100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100/> in IWL RAS.

После революции Шкапская, судя по ее автобиографии, служила в 1918 г. продбарышней в Петрограде, в 1919 г. – кочевала по Украине, в 1920 г. – работала на Дону в Окпродкоме «в отделах статистики, молочном, общественного питания», а с 1920 по 1922 гг. – сотрудницей Главмузея объездила Псковщину «с целью охраны музейного имущества» [Шкапская 200, 170]. То есть за пять лет (1917–1922) поэтесса побывала на северо-западе и юге охваченной революцией и Гражданской войной России, Украине, а также была очевидицей событий в столице бывшей империи – Петрограде. Впечатления от многочисленных путешествий нашли отражение в ее поэзии тех лет.

Как отмечала Н.В. Корниенко, «поэзия первой зажгла скромные свечи памяти, сказала о том, что <...> человеку эпохи Смуты и разрухи придется заплакать не “прекрасными слезами” девятнадцатого века, а по-бабьи заголосить и запричитать» [Корниенко 2018, 46]. Шкапская, как и многие ее современники, включилась в процесс создания «поэтохроник» (В.В. Маяковский) – осмысления «бурлящей» действительности через релевантные поэтические образы. В стихотворениях о гражданской войне она разрабатывает как минимум две мифологемы: Петра I как «чудотворного строителя» Петербурга-Петрограда, защитника города от разбушевавшейся «азиатской стихии» и богоявления. Учитывая рамки статьи, мы сможем рассмотреть только вторую мифологему в контексте имажинистской поэзии первых революционных лет на примере поэмы Шкапской «Явь».

Но прежде чем перейти к анализу художественных текстов, необходимо отметить связь поэтессы с кругом имажинистов. Известно о давних контактах Шкапской, еще до подписания знаменитой «Декларации» поэтической группы (конец января 1919 г.), с С.А. Есениным. Так, в конце октября 1917 г. на квартире поэтессы в Петрограде (Кирочная ул., 43В) автор будущей «Инонии» знакомится с писателем И.Г. Эренбургом [Летопись 2005, 60–61]. Есенину Шкапская дарит отдельное издание своей поэмы «Явь», на котором тот ставит владельческую надпись [Летопись 2010, 113, 562]. Книги А.Б. Мариенгофа «Стихами чванствую» [Мариенгоф 1920] (книга проходила как лот 246 в аукционном доме «Империя». Аукцион № 7 от 12.06.2010), А.М. Аврамова «Воплощение. Есенин-Мариенгоф» [Аврамов 1921] (лот 408 в аукционном доме «Империя». Аукцион № 11 от 24.04.2011) были в библиотеке Шкапской, как и рукописи и материалы петроградских-ленинградских имажинистов. В.И. Эрлих оставил несколько стихов в ее альбоме, в т.ч. из неизданной книги «Ноябрь» [Субботин 2005]. Владимир Ричиотти подарил сборник стихов «Коромысло глаз» с дарственной надписью: «“Марии Шкапской на память эту... Вл. Ричиотти. 8.5.24» [Ричиотти 1923] (лот 255 в аукционном доме «Империя». Аукцион № 7 от 12.06.2010). Гр.Б. Шмерельсон – свою книгу (в соавторстве с В.Г. Шершеневичем) «Шиш» с инскриптом «Лирический Шиш двух лирических бандитов очень трогательно преподношу Марии Михайловне Шкапской. 1/2 Шиша. Гр. Шмерельсон. 8.V.24» [Шершеневич, Шмерельсон 1924] (лот 441 в аукционном доме «Литфонд». Аукцион № 13 от 21.04.2016). Уже упомянутый Эрлих подарил поэтессе черновой

автограф поэмы Есенина «Песнь о великом походе», который Шкапская позже передала жене поэта С.А. Толстой «для музея» [Летопись 2013, 246]. С ней же поэтесса готовила тело Есенина в последний путь 28 декабря 1925 г. [Летопись 2018, 61].

Краткий обзор показал тесную связь Шкапской с московскими и петроградскими-ленинградскими имажинистами, которая не прекратилась с уходом Есенина. Так, известно, что в 1930-е гг. уже бывшая поэтесса (Шкапская прекратила писать стихи в середине 1920-х гг. и обратилась к жанру очерка) вместе с Мариенгофом подготовила сценарий «Федя» и заявку для предполагавшегося фильма (РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 136). С именем автора «Циников» связан поэтический диалог Шкапской, развивающий различные аспекты темы «бесовства» в постреволюционной поэзии.

Тема «бесовства» в поэзии Мариенгофа: сборник «Явь» (1919)

В 1923 г. отдельной книгой в издательстве «Круг» вышла поэма Шкапской «Явь». Написана она была, судя по авторской датировке, в 1919 г. в украинском городе Ромны. В поздней автобиографии 1952 г., не лишенной советских политических штампов, поэтесса отмечала: «Летом 1919 года я с детьми (один грудной) застряла на даче на Украине, откуда к осени перебралась к матери мужа в Новочеркасск. Таким образом я видела своими глазами все ужасы, творимые белогвардейцами, и жесточайшие расправы их с мирным населением. К этому периоду относится моя поэма “Явь”, впервые напечатанная в “Правде” в 1922 году» [Шкапская 2000, 176–177].

В поэме Шкапской наблюдаются определенные переключки с поэзией имажинистов, в особенности А. Мариенгофа, как на уровне названия, так и развития революционной темы через христианские образы.

Большой блок из 14 стихотворений Мариенгофа помещен в коллективный сборник имажинистов «Явь» (1919), который формально был подготовлен ко второй годовщине октябрьской революции [Летопись 2005, 168]. Помимо стихов Есенина, Мариенгофа, Шершеневича, Рюрика Ивнева в «альманахе» (по выражению корреспондента газеты «Известия») опубликованы произведения Андрея Белого, Г. Владычиной, В. Каменского, А. Оленина, П. Орешина, Б. Пастернака, С. Рексина, С. Спасского, И. Старцева. Лейтмотивом большинства стихотворений является рождение нового мира, во главе которого встает угнетенный народ. Этот коллективный властелин обладает чертами сверхчеловека и претендует на роль сверхумного существа, чуть ли не божества, как, например, в стихотворении А. Оленина «Миру клич»:

Мы, стоящие у вселенского горна,
Мудрее Будды, Христа, Конфуция,
Зовем вселенную громко, упорно
Под знамя Мировой Революции! [Явь 1919, 44].

Происходящие после 1917 г. события «видные российские публицисты, философы, писатели почти единодушно определили <...> как разгул “бесовства”, одержимость злом» [Магомедова 2017, 42]. В этом контексте лирический герой стихов Оленина, наряду с многими другими, исповедовал этику богорочества. Если у автора «Миру клич» антирелигиозные тенденции были направлены против небесных покровителей вообще, то в блоке произведений Мариенгофа явно прослеживается яростное отрицание христианских святынь. Лирический субъект, проявляющийся через коллективное «мы», явным образом отрицает евангельскую этику, начиная с первого стихотворения:

Кровью плюем зазорно...
Богу в юродивый взор.
Вот на красном черным:
– Массовый террор
Метлами ветру будет
Говядину чью подместь.
В этой черепов груди
Наша красная месть.
По тысяче голов сразу
С плахи к пречистой тайне.
Боженька, сам Ты за пазухой
Выносил Каина [Явь 1919, 5].

Притом «массовый террор», как видно из приведенной цитаты, понимается как месть коллективного «мы» самому Богу, который попустил угнетение (не уточняется, какое). Таким образом политика большевиков (карательные меры в период Гражданской войны против классовых врагов) в стихотворении Мариенгофа становится частью более общего, космогонического сюжета – восстания угнетенных против метафизического воплощения «эксплуататорских классов», т.е. христианского Бога. В качестве дополнительного аргумента можно привести цитату из другого стихотворения Мариенгофа, где говорится о месте рождения нового Саваофа:

В эти самые дни в Московии
Родился Саваоф новый [Явь 1919, 18].

Несмотря на декларативное отрицание христианства, лирический герой Мариенгофа тем не менее остается в евангельской системе координат, рождение нового мира он так или иначе воспринимает через библейские образы и мотивы. На первый план в новой антихристианской теогонии выходит бунтовщик – Варавва («Опять Иисус на кресте, в Варавву / Под руки и по Тверекому...» [Явь 1919, 8]). В одном из стихотворений лирический субъект заявляет, что появится новая Ева («России»), в другом – новый Иерусалим («Днесь»). Летоисчисление мира сравнивается с главами Библии:

Каждый наш день – новая глава Библии.
Каждая страница тысячам поколений будет Великой.
Вы те, о которых скажут:
– Счастливы в 1917 году жили [Явь 1919, 17].

Стихотворения Мариенгофа, вышедшие после «Двенадцати» А. Блока (впервые – «Знамя труда». 1918. № 147. 3 марта (18 февр.), развивают один аспект темы «бесовства» в названной поэме [Магомедова 2017, 46–49], а именно – опьянение свободой без бога. У Блока это выражено через повторы «Свобода, свобода, / Эх, эх, без креста!» (глава 2) и во фрагменте 11 главы – «...И идут без имени святого / Все двенадцать – вдаль. / Ко всему готовы, / Ничего не жаль...»

Благодаря обращению к скрытым мотивам «Двенадцати» становится понятен облик лирического субъекта Мариенгофа, укрывшегося за коллективным «мы». Им является бес, который называет себя еще игроком, взявшим высшую ставку: «Верьте, я только счастливый безумец, поставивший все на октябрь. / О, октябрь! октябрь! октябрь!» («Я из помойки солнце ладонями выгреб...») [Явь 1919, 15]). Также понятно, почему «массовый террор» из первого стихотворения подборки Мариенгофа оказывается направленным не против человека, а против Бога: восставшие бесы идут войной на своего антагониста. Революционный разгул, который мыслится через христианские образы и мотивы, также говорит о неспособности злых духов создать автономный мир, выйти из-под власти евангельской этики. Однако финал созданной Мариенгофом космогонии остается открытым. Если у Блока фигура Христа является для того, чтобы изгнать «бесов», преодолеть стихийный аморализм и намекает на возможность «будущего нравственного трагического катарсиса для героев поэмы» [Магомедова 2017, 48], то у Мариенгофа попрание святынь и безумная пляска на костях продолжается:

Твердь, твердь за вихры зыбим
Святость хлещем свистящей нагайкой
И хилое тело Христа на дыбе
Вздыбливаем в Чрезвычайке [Явь 1919, 21].

Итак, в подборке из 14 стихотворений в сборнике «Явь» (1919) Мариенгоф изображает, если следовать грамматическому значению слова, то, что есть на самом деле. В нашем случае – картину бесовского разгула во время Гражданской войны. Разгулявшиеся злые духи, укрывшиеся за коллективным лирическим субъектом, заявляют о создании мира без христианского Бога. В этой системе координат новый Саваоф и другие «святые» (Варавва) рождаются в Москве. Таким образом Мариенгоф в имплицитной форме представляет сюжет ложного богоявления, выраженного через мотивы богоборчества, самозванства (бес, говорящий, что он игрок), крови и убийств.

«Явь» (1923) М.М. Шкапской

Шкапская также развивает тему богоявления, но уже не ложного, как это делал Мариенгоф.

В ее поэме «Явь» (1923) описано повешение человека, тело которого после этого несколько дней остается на виселице.

...Вешали долго, трудно, устали,
Часто мать поминали.
Помогал, как мог, сам,
Да только как-то ослаб
И кровь текла по усам...

(Здесь и далее мы цитируем текст «Яви» по изданию [Шкапская 2000, 69–75] без указания страниц).

Высказывания очевидцев казни, а также реплики обывателей дополняют картину:

«Знаете, свежо с утра, я в ватном»...
«А я и Петю взяла,
Привела,
Поглядим».
«Они олово в горло, а вот и им».
«Детям-то не хорошо бы с таких лет,
Бог знает – какой в душе останется след».
«Ничего, пускай приучается».
«Глядите, глядите, качается».
«Эй, осади».
«Нахал, говорят – даму пусти»...
«Отдавили ногу»...
«Нет, это, знаете ли, ей-богу»

Из приведенных реплик складывается коллективный образ обывателя периода Гражданской войны с атрофированными моральными качествами. В одном из ранних стихотворений Шкапская посвятила такому человеку пассаж с завуалированным проклятьем:

О, обыватель, в полушубке вошь,
Как о тебе страшна доньне повесть –
Ты за жилетку жизнь отдашь,
За соль выменивая совесть [Шкапская 2000, 115].

В автобиографии 1952 г. Шкапская подчеркивала, что «видела своими глазами все ужасы, творимые белогвардейцами, и жесточайшие расправы их с мирным населением» [Шкапская 2000, 176]. В «Яви», однако, ука-

вание на принадлежность бесчинствовавших к одной из противоборствующих сторон периода Гражданской войны мы не находим. Вместо этого встречаем мотив тяжелого кулака и указание на географическое происхождение преступников: «Больно тяжёл кулак / У офицеров прохожего эшелона из Брянска / (Били накануне в комендантской)».

Образ повешенного соотнесен в «Яви» с Христом (сравнение виселицы с крестом, мотив помощи убийцам), а общая канва поэмы – с несколькими узлами новозаветного сюжета о Страстях Христовых. Шкапская опускает события, описанные в Евангелиях, от момента Входа Господня в Иерусалим до Великой пятницы: Тайная вечеря, молитва Христа в Гефсиманском саду, предательство Иуды Искариота, арест, суд Синедриона. Аналогов этого в «Яви» мы не находим. Однако допрос у римского прокуратора Понтия Пилата, избиеение, отвержение народом, путь на Голгофу, распятие и смерть на кресте выписаны Шкапской в такой же последовательности, как это было в Библии. Допросу и избиеению соответствуют битые неизвестного брянскими офицерами в комендантской; отвержению народа – приводимые Шкапской реплики зевак; пути на Голгофу – выход из камеры и помощь в обустройстве виселицы («Качели как крест без двух оконечий, / А под ними сутулые плечи, / А если на цыпочки встать, да взглянуть, / Виден и язык – так, чуть-чуть. / Вешали долго, трудно, устали, / Часто мать поминали. / Помогал, как мог, сам, / Да только как-то ослаб / И кровь текла по усам»); распятию и смерти на кресте – процедура повешения. В «Яви» завуалированно выписана и Мария Магдалина, свидетельница крестных страданий Христа. Только если у Евангелистов Мария была ученицей Христа, то у Шкапской за страстями арестанта наблюдает его жена и двое детей: «Только жена в сторонке / С ребенком, / А другой, постарше, за юбку. / Разрешили взглянуть на последний танец / И ей, и маленьким».

Таким образом перед нами редуцированный сюжет Страстей Христовых, действие которого разворачивается в декорациях Гражданской войны. Шкапская демифологизирует евангельские события. Она не преследует цель развенчать Бога в духе антирелигиозной пропаганды. Наоборот, в событиях Гражданской войны поэтесса видит черты библейской истории.

«Бесовская» тема в «Яви» Шкапской проявляется через образ брянского эшелона, точнее, через последствия, которые он после себя оставил. Экзекуция, свидетелями которой выступают как обыватели, так и семья повешенного, впоследствии оборачивается частью сюжета о богоявлении. Намеки на это содержатся уже в речи матери, обращенной к сыну:

Слышишь, – запомни.
На всю свою жизнь, и память
Положи как камень,
Отцовские страсти.

Явная аллюзия на страсти Христовы дополняется мотивом исхода святых из храма. В финале «Яви» разворачивается мистериальная картина:

Летнею темною ночью,
 Церковные двери отомкну лися,
 Царские врата распахнулись,
 И пошел из них, словно в крестный ход,
 Весь святой народ,
 Русские православные святители:
 Иван Креститель,
 Пантелеймон Целитель,
 Никола седенький,
 Алексей простенький,
 Ипатий с тремя морщинками,
 Касьян – редкий именинник,
 Убиенный царевич Димитрий
 И все Пресвятые Богородицы
 Смоленские, Казанские, Володимерские,
 Скорбящая, Треручица, Одигитрия
 И другие – без всякого имени.
 Шли они – как приявшие схиму,
 Подошли к веселой качели,
 На синее лицо поглядели,
 Да и пали ему в корявые ноги,
 Прямо на пыльной на дороге,
 Как по самому страшному обету.
 И лежали там до самого свету.

Церковь искони считалась культовым местом и в народной культуре выступала как сакральное пространство [Славянские древности 2012, 488]. Исход из него святых свидетельствует о потере указанного статуса. Подтверждает это образ пошатнувшегося креста, завершающий поэму: «А когда утром пришли православные – / Все так же качался удушенный, / Так же плечи его сутулились, – / Только на церкви кресты пошатнулись». Один из главных символов христианства также теряет свой символический статус: казнь мессии, которому кланяются и которого оплакивают святые, свидетельствует об «обезглавливании» Церкви, об исходе святости из того места, где разворачивается действие поэмы.

Таким образом сюжет о казни в период Гражданской войны превращается в мистериальное действие о нераспознанном богоявлении. Если в поэзии Мариенгофа явь состоит в том, что бесовская стихия открыто стремиться создать новый миропорядок с центром в Москве, то у Шкапской эти «бесы» в лице брянского эшелона, проходящего через провинциальное местечко (автор не уточняет, где происходит действие, в городе, селе или деревне), возникают на короткое время, а потом исчезают. Но они становятся причиной происходящей с этой местностью трагедией – исходом святых и потерей святости. Обыватели, репликам которых отводятся значительные части поэмы, оказываются в положении богооставленных, без покровительства высших сил.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авраамов А.М.* Воплощение. Есенин-Мариенгоф. М.: Имажинисты, 1921. 44 с.
2. *Корниенко Н.В.* Исторический факт и художественный образ: темы Гражданской войны в русской литературе 1920–1930-х гг. // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта / Материалы Международной научной конференции (Москва, 1–3 октября 2018 г.). М.: ГЦМ-СИР, 2018. С. 43–50.
3. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. Т. 2: 1917–1920 / гл. ред. *А.Н. Захаров*; [сост. А.Н. Захарова и др.]. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 757 с.
4. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. Т. 4: 3 августа 1923–1924 / гл. ред. *Н.И. Шубникова-Гусева*; [сост. Н.И. Шубниковой-Гусевой]. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 735 с.
5. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. Т. 5. Кн. 1. Январь–23 декабря 1925 / гл. ред. *Н.И. Шубникова-Гусева*; [сост. Н.И. Шубниковой-Гусевой]. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 828 с.
6. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. Т. 5. Кн. 2. 24 декабря 1925–середина 1926 / гл. ред. *Н.И. Шубникова-Гусева*; [сост. Н.И. Шубниковой-Гусевой]. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 1158 с.
7. *Магомедова Д.М.* Мотивы «бесовства» в литературе и публицистике первых лет революции // Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы, 1917–2017: исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 36–55.
8. *Мариенгоф А.Б.* Стихами чванствую: лирические поэмы. М.: Имажинисты, 1920. 29 с.
9. *Ричиотти В.* Коромысло глаз: Поэма. Пг.: Имажинисты, 1923. 12 с.
10. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица) / под общ. ред. *Н.И. Толстого*. М.: Международные отношения, 2012. 736 с.
11. *Субботин С.И.* Стихи Вольфа Эрлиха 1924 и 1925 г. в альбомах М.М. Шкапской и С.А. Толстой // Русский имажинизм: история, теория, практика / под ред. В.А. Дроздова, А.Н. Захарова, Т.К. Савченко. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 238–248.
12. *Чечнёв Я.Д.* Амплуа лирической героини в поэзии М.М. Шкапской: к постановке проблемы // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 140–152.
13. *Першневич В., Шмерельсон Г.* ШиШ. Пг.: Имажинисты, 1924. 12 с.
14. *Шкапская М.* Час вечерний. Стихи. СПб, Лимбус Пресс, 2000. 192 с.
15. Явь: стихи. [Москва]: Явь, 1919. 70 с.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Chechnev Ya.D. Amplua liricheskoy geroini v poezii M.M. Shkapskoy: k postanovke problem [The Role of the Lyrical Heroine in the Poetry of M.M. Shkapskaya: to the Formulation of the Problem]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal*, 2022, no. 4, pp. 140–152. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

2. Kornienko N.V. Istoricheskiy fakt i khudozhestvennyy obraz: temy Grazhdanskoy voyny v russkoy literature 1920–1930-kh gg. [Historical Fact and Artistic Image: Themes of the Civil War in Russian Literature of the 1920s-1930s.]. *Rossiya v gody Grazhdanskoy voyny, 1917–1922 gg.: vlast' i obshchestvo po obe storony fronta* [Russia during the Civil War, 1917–1922: Power and Society on Both Sides of the Front]. Moscow, GTsMTsYR Publ., 2018, pp. 43–50. (In Russian).

3. Magomedova D.M. Motivy “besovstva” v literature i publitsistike pervykh let revolyutsii [Motives of “Devilry” in Literature and Journalism of the First Years of the Revolution]. *Perelom 1917 goda: revolyutsionnyy kontekst russkoy literatury, 1917–2017: issledovaniya i materialy* [The Turning Point of 1917: the Revolutionary Context of Russian Literature, 1917–2017: Research and Materials]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2017, pp. 36–55. (In Russian).

4. Subbotin S.I. Stikhi Vol’fa Erlikha 1924 i 1925 g. v al’bomakh M.M. Shkapskoy i S.A. Tolstoy [Poems by Wolf Ehrlich 1924 and 1925 in Albums by M.M. Shkapskaya and S.A. Tolstoy]. *Russkiy imazhinizm: istoriya, teoriya, praktika* [Russian Imagism: History, Theory, Practice]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2005, pp. 238–248. (In Russian).

Яков Дмитриевич Чечнёв,

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук. Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научной лаборатории «Rossica: Русская литература в мировом культурном контексте» ИМЛИ РАН имени А.М. Горького. Научные интересы: изучение творчества писателей и поэтов первой половины XX в., литературный урбанизм, текстология, источниковедение русской литературы XX в.

E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-9439-0430

Yakov D. Chechnev,

A.M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences. Candidate of Philology, Senior Researcher at the Research Laboratory “Rossica: Russian Literature in the Context of World Culture”, IWL RAS. Research interests: the study of the creativity of writers and poets of the first half of the XX century, literary urbanism, textual studies, source studies of Russian literature of the XX century.

E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-9439-0430